

Альфред Бёрн

**Битва при Азенкуре.
История Столетней
войны с 1369 по 1453 год**

«Центрполиграф»

Бёрн А.

Битва при Азенкуре. История Столетней войны с 1369 по 1453 год
/ А. Бёрн — «Центрполиграф»,

Эта книга посвящена второму этапу Столетней войны. Автор анализирует события 1369 – 1453 годов, исследует причины, которые влияли на ход боевых действий, рассказывает о серии неудачных сражений, резко контрастирующих с прежними победами англичан. Особенно подробно рассмотрена битва при Азенкуре – самая значительная баталия этого периода.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
БИТВЫ ДЮГЕКЛЕНА (1369-1396 ГОДЫ)	11
ЛИМОЖ	12
БОЛЬШОЙ ПОХОД	14
Приложение	17
ВОЙСКА	17
ПРОГРЕСС ВОЕННОГО ДЕЛА В ХОДЕ ВОЙНЫ	18
ФЛОТ	18
Глава 2	19
Глава 3	22
ОСАДА АРФЛЕРА	24
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Альфред Бёрн

Битва при Азенкуре. История

Столетней войны с 1369 по 1453 год

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Посвящается Джону Престу, показавшему мне Азенкур

Предисловие

В моей предыдущей книге о Столетней войне «Битва при Креси» (М., Центрполиграф, 2004) исследуется период от начала войны в 1337 году до договора, заключенного в Бретиньи в 1360 году. Война возобновилась в 1369 году и продолжалась, включая ряд перемирий, до 1453 года. Повествованию об этой второй войне, или периоде войны, которое я озаглавил в интересах краткости «Время битвы при Азенкуре», посвящена эта книга. Второй период включает две, если не три военные кампании, а с 1396-го по 1415 год соблюдалось перемирие. После договора в Труа характер войны изменился. Войска Англии и Франции объединились для борьбы против сил дофина – «короля горожан».

Тем не менее основной нитью повествования о 116-летнем периоде Столетней войны остается борьба англичан за владения в пределах территории нынешней Франции.

На 1369 год приходится расцвет военной мощи и славы Англии. Мы видим спад, усиление и снова спад военных действий. Хотя методы ведения войны и сами обстоятельства войны изменились мало, следует отметить, что, если вначале в боевых действиях принимали участие рыцари в легких доспехах и плохо оснащенная артиллерия, то в финале – рыцарей мы видим закованными с ног до головы в латы, а мощь артиллерии выросла настолько, что она и решила исход последней битвы.

Большая часть военной кампании прошла в утомительных однообразных осадах городов. Описывая эти операции кратко, мы имеем возможность более подробно остановиться на значительных сражениях.

Битва при Азенкуре главное сражение, но не стоит забывать и другие сражения этого времени, поучительные для военной истории. Также следует сказать, что на этом этапе Генрих V был доминирующей фигурой. Но, отдавая должное его доблести и подвигам, я хотел проникнуть сквозь ослепительное сияние его славы, затмевавшее таланты и достижения его главных военных помощников. Их имена неизвестны даже большинству образованных людей – разве что Шекспир спасает их от забвения.

«Король Гарри, Бедфорд и Эксетер, Уорик и Толбот, Солсбери и Глостер».

Эти и другие имена, такие, как Хантингтон, Скейлз, Фастольф и Кервел, будут вновь упомянуты в нашей книге.

Эта книга по жанру похожа на предыдущую. Она адресуется скорее «широкой публике», чем специалистам-историкам или студентам, изучающим историю. Поскольку средний читатель из «широкой публики» не любитель многочисленных сносок, я постарался свести их до минимума. Однако снабдил большинство глав книги приложениями с краткими комментариями к спорным вопросам.

Акцент на заявленной в титуле «военной истории» предполагает свести к минимуму анализ политических проблем. Но полностью политический контекст игнорировать невозможно. Например, о влиянии на ведение боевых действий недостаточного финансирования упомянуть необходимо, но без углубления в причины и способы выхода из этого положения. Опять же исследование источников боеспособности войск должно занять подобающее место, но без подробного описания системы набора в армию – разве что в общих чертах.

Воспроизведение истории в целом возможно лишь предположительно, и это применимо к военной истории более, чем к какой-либо иной. Следовательно, нельзя упускать из виду, что во всех описаниях военных операций присутствует элемент вероятности. Однако читателя утомило бы использование в начале каждого предложения таких выражений, как «Представляется, что...», «При всей вероятности того, что...» или «Имеются свидетельства, подтверждающие тот факт, что...». Когда меня особенно одолевали сомнения и трудности, я подвергал проблему испытанию тем, что называю «неизбежными военными версиями» (НВВ), и то, что

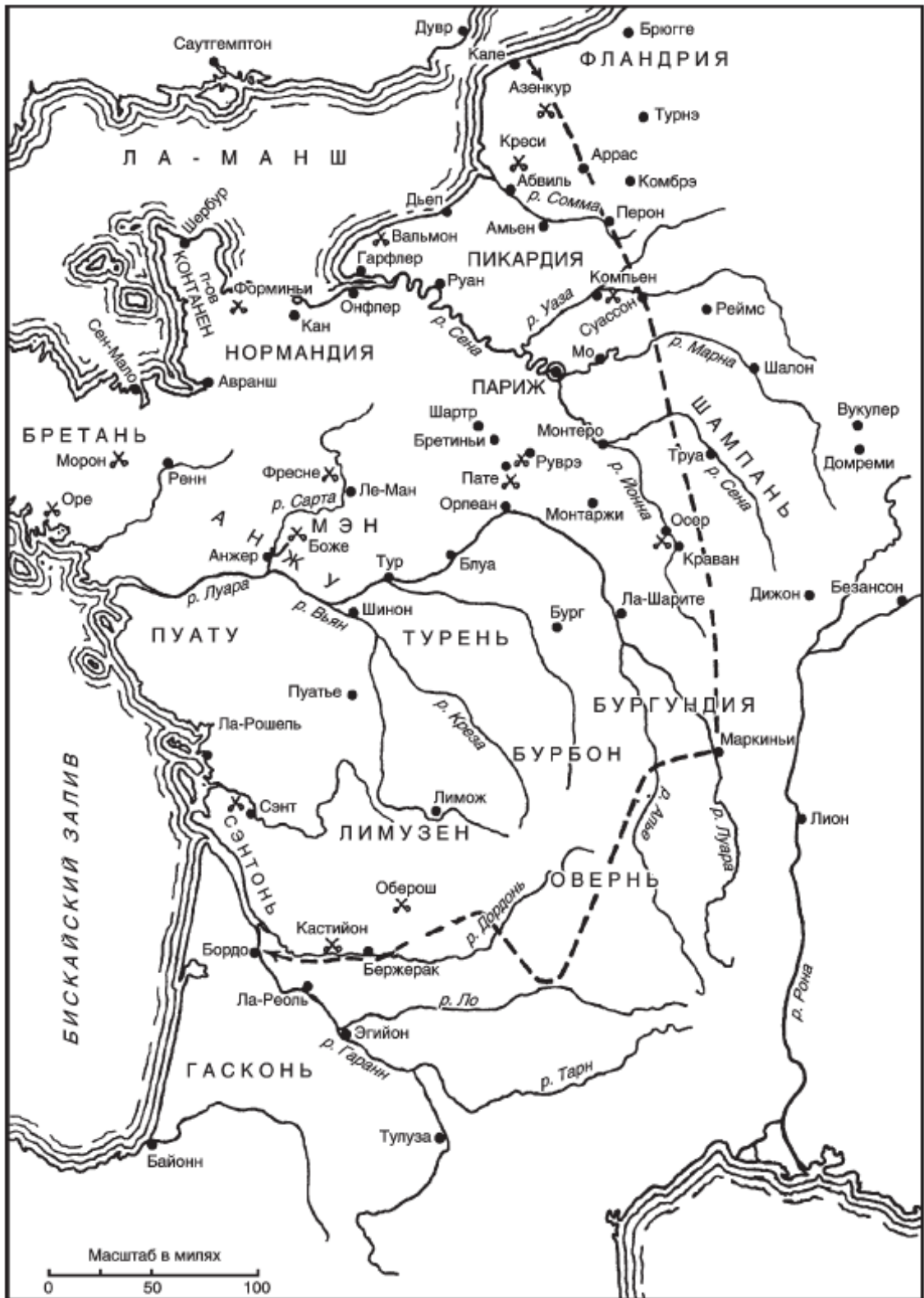
мне подсказывали НВВ, я обычно принимал. Конечно, критикам легко высмеять этот метод, многие из них так и поступали, но другого метода я не знаю.

В книге не выдержан размер глав. Не видя в этом какой-либо пользы, я предпочел поместить в отдельные главы описание важной военной операции или четко очерченной фазы войны.

Места военных операций, за исключением малозначащих географических пунктов, либо указаны на картах, либо описаны в соответствующих фрагментах книги.

Я снова становлюсь должником господина Робина Джеффса из колледжа Святой Троицы Оксфордского университета, который прочел мою рукопись и проконсультировал меня в политических проблемах. Если временами я уклонялся от узкой стези достоверности, то это следует отнести на счет моей рассеянности, но отнюдь не на счет моего наставника. В заключение хотелось бы выразить благодарность сотрудникам Лондонской библиотеки, которые неизменно оказывали мне любезное внимание и помощь.

Альфред Х. Бёрн

ФРАНЦИЯ В ПЕРИОД СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

— — — → Большой переход Джона Гонта

ФРАНЦИЯ В ПЕРИОД СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

— — — → Большой переход Джона Гонта

Глава 1

ВОЙНА ДЮГЕКЛЕНА (1369-1396 ГОДЫ)

«Вверху сияла голубизна небес – но вдали на горизонте виднелось маленькое облачко, размером в человеческую ладонь».

Вышеприведенными словами заканчивалась прошлая книга. Небо было голубым потому, что короли Англии и Франции после 22-летней войны поклялись в вечной дружбе, маленькое же облачко указывало на неопределенность в состоянии здоровья французского монарха.

В течение 22 лет Эдуард III, король Англии, преследовал единственную цель – ликвидацию вассальной зависимости своего владения на французской территории от короля Франции. И вот наконец в 1360 году он добился своего, заключив договор в Бретиньи.

Согласно этому договору король Англии приобрел абсолютные суверенные права на треть французской территории. Ликвидация взаимных претензий мыслилась как шаг, направленный на заживление гноящейся раны, которая портила отношения между соседних государств в течение двух столетий. Все было хорошо. Но договор предусматривал передачу нескольких французских провинций, связанных узами вассальной зависимости, от одного государя к другому. Хотя идея национальной принадлежности еще не утвердилась в той степени, в какой это случилось впоследствии, такая передача повлекла за собой результаты, подобные тем, которые производит в живом теле хирургическая операция. Требовался период полного покоя, в течение которого новый орган прижился бы в теле и начал нормально функционировать. В этом состояла трудность. Наилучшим выходом из положения было бы сохранение королем Франции Иоанном королевского скипетра в течение нескольких лет, но его здоровье резко ухудшилось, а после смерти короля в 1364 году ему наследовал сын – Карл V.

Смерть короля Иоанна стала похоронным звоном для договора в Бретиньи. Новый король Карл V был, возможно, одним из самых миролюбивых французских королей, за исключением Карла VII. Он не желал новой войны, но жаждал реванша. Будучи достаточно проницательным, он терпеливо дожидался времени, когда его жажда могла быть утолена.

Между тем произошли важные события. В Бретани с переменным успехом более 20 лет продолжалась «освободительная война». Одного из двух претендентов на герцогство, Жана Монфора, поддерживали англичане, которые к этому времени установили свою власть на большей части территории Бретани. Другой претендент, Карл Блуа, был ставленником французов... После короткого перемирия война вспыхнула с новой силой и в 1364 году достигла критической стадии. Противоборствовавшие армии встретились в миле от северного городка Оре, в 60 милях к юго-западу от Рена. В последовавшем сражении англо-бретонская армия под командованием сэра Джона Чандоса разгромила войска графа Блуа, который погиб в сражении. Военачальник Бертран Дюгеклен, командовавший французами, попал в плен. Сражение явилось завершением освободительной войны и началом золотого века Бретани.

Второе важное событие произошло далеко на юге. Короля Педро Жестокого (которого его придворный называл «камберлендским мясником») свергнул с трона его незаконнорожденный брат Энрике Трастамара. Педро обратился за помощью к Черному принцу, которого Эдуард III сделал герцогом Аквитанским. Он содержал свой двор в столичном городе Бордо. Принц Эдуард откликнулся на обращение с большим энтузиазмом. Собрав армию англосаксов – в дальнейшем именуемую для краткости англичанами, – он преодолел Пиренеи по горному проходу у Ронсевалья, получившего известность благодаря эпосу о Роланде, прошел через Памплону к Витории, следуя тем же путем, каким двигался Веллингтон в 1813 году. Принц Эдуард вступил в сражение с армией Энрике Трастамары у горного хребта близ Нахеры и добился впечатляющей победы. Командовавший французским контингентом войск Бертран Дюгеклен

вновь был захвачен в плен. Англичане преследовали противника вплоть до Нахеры и окружили беглецов в ущелье, которое до сих пор называется местными жителями «ущельем англичан».

Несмотря на успешный исход, испанская кампания имела пагубные последствия. От Педро (позже умерщвленного единоутробным братом) на оплату военных расходов не было получено ни пенни, впоследствии пришлось взимать с населения Аквитании обременительные налоги. Феодалы вотчины Аквитании заплатили в начале 1368 года дополнительные налоги, которые потребовал Черный принц, но два основных феодала пожаловались на поборы королю Англии. Не дожидаясь его ответа, они попросили защиты у короля Франции. Согласно заключенному в Бретиньи договору, Карл V, разумеется, не имел права вершить суд в Аквитании, но юристы убедили короля в обратном на том основании, что статьи об этом в договоре не были прописаны. После некоторых колебаний Карл перешел Рубикон, дав аудиенцию двум жалобщикам. После этого война стала неизбежной, и 30 ноября 1369 года король ускорил дело захватом Аквитании – как это сделал его дед поколением раньше.

Перед тем как совершить роковой шаг, Карл всячески подготовился к войне: он собрал военное снаряжение и продовольствие, обеспечил себе союзников и, что важнее всего, задействовал посредством своего брата, герцога Анжу, мелких феодалов Гаскони. Все это время Эдуард III, совершенно неготовый к войне, делал жесты примирения, однако Карл, стиснув зубы, отказывался пойти навстречу английскому королю и даже не отвечал на его послания.

Принц Уэльский отнесся к происходившему не столь миролюбиво. Когда французский король вызвал его в Париж, тот дал свой знаменитый ответ: «Мы придем в Париж, но в шлемах и во главе шестидесяти тысяч войск». Это было хвастливое заявление, которое принц не имел возможности выполнить. В то время максимум, на что он мог рассчитывать, – это собрать армию в десять раз меньшую по численности. Война приближалась!

БИТВЫ ДЮГЕКЛЕНА (1369-1396 ГОДЫ)

Последовавшая военная кампания, продолжавшаяся с небольшими перерывами с 1369-го по 1396 год, не имеет названия. Мы называем ее по имени военачальника, принимавшего в ней активное участие. (Сражения были прерваны перемирием.) В этот период не произошло ничего, достойного называться собственно битвой. Дело в том, что французские войска, выполняя строгий приказ своего короля, уклонялись от прямых столкновений с англичанами. Соответственно последние располагали возможностью передвигаться в стране по своему усмотрению, французы же ограничивались осадами городов. Таким образом, эта война малоинтересна именно из-за крайне малого числа реальных сражений.

Несмотря на то что французы располагали преимуществом в военном снаряжении, численности войск, союзниками и фактором внезапности, несмотря на то что они вторглись в герцогство, находившееся на грани мятежа, их действия отличались поразительной нерешительностью. Захватив ряд окрестностей Рурге, французы перешли к sporadическим нападениям на отдельные замки. Возможно, их осторожная тактика была вызвана вестью о том, что сэра Джона Чандоса вызвали на юг из его нормандского замка Сен-Савер-ле-Виконт и вскоре он прибыл с войсками в Пуату.

Первый год войны не дал определенных результатов. Но для англичан большой потерей стала гибель несравненного сэра Джона Чандоса, одного из блестящих героев Англии, у ворот Луссака в провинции Пуату. Дело Чандоса продолжили сэр Роберт Ноулз и сэр Хью Калверли.

ЛИМОЖ

В 1370 году произошло событие, которое историки впоследствии так извратили, что на нем следует остановиться подробнее. В ходе своего похода герцог Беррийский вышел к Лиможу, однако штурмовать крепость не было оснований, поскольку епископ Лиможа сам пригласил французов в город. Когда Черный принц узнал об измене, он пришел в ярость. Епископ числился в кругу самых близких друзей. Он был крестным сына принца – Ричарда Бордоского, его лояльность не вызывала подозрений. Принц Уэльский пригрозил отомстить епископу и выступил в поход на Лимож вместе с братом Джоном Гонтом, прибывшим из Англии с подкреплениями. То есть правильнее было бы сказать, что марш совершала только армия, поскольку самому принцу сильно нездоровилось и его несли на носилках. Герцог Беррийский со своей армией благоразумно воздержался от встречи с войсками принца¹. Англичане осадили город, подорвали крепостные стены и через шесть дней взяли его штурмом². Затем последовало знаменитое «разорение Лиможа».

Многие историки – я должен констатировать, к сожалению, что наиболее злостными фальсификаторами из них были англичане, – дали волю слишком богатому воображению в описании мнимых зверств, чинимых английскими войсками по наущению Черного принца. Любопытно, что даже такого выдающегося рыцаря, как Эдуард Вудсток, низвели в связи с этим историческим эпизодом до крайней степени бесчестия, назвав его «пятном позора». Однако новейшие исследования дали правильный ответ на вопрос. Он очень прост: никакой поголовной резни в Лиможе не было. Слишком легковверные последователи абсолютно безответственного летописца Фруассара подхватили знаменитый отрывок из его хроники: «В этот день были преданы смерти более 3000 мужчин, женщин и детей». Отрывок принялись дружно цитировать английские исследователи, хотя Фруассар благоразумно исключил эту цифру из своей последующей Амьенской рукописи, которая этим исследователям известна не была, поскольку ее не переводили на английский язык.

Ролан Делашеналь цитирует знаменитый отрывок Фруассара, где описано, как женщины и дети бросаются на колени перед Черным принцем, моля о пощаде, и замечает, что этот отрывок «не следует игнорировать». Что ж, посмотрим. Однажды я стоял на том месте, где предположительно помещались носилки принца, и изо всех сил стремился представить сцену, описанную Фруассаром. Мне не удалось этого сделать. Во-первых, в обстановке резни ее жертвы не могли знать о местонахождении принца. Во-вторых, даже если бы они и знали, то не смогли бы приблизиться к нему. Чтобы подойти к принцу, следовало пройти по узкой улочке, которую перегородили его охранники. Судя по утверждению Фруассара, таких смельчаков прикончили бы на месте, если бы они попытались это сделать, поскольку он свидетельствует, что любого встретившегося им жителя города захватчики убивали. В-третьих, инстинкт подсказал бы женщинам, оказавшимся в городе, где бесчинствуют убийцы и мародеры, бежать за городские стены или прятаться в погребах, а не пытаться пробиться с детьми к принцу сквозь узкую улочку. Вместо этого перед нами душераздирающая сцена, созданная опытным сказителем, который хорошо знал, как воздействовать на чувства читателей. Его перо постоянно напоминает, что это была большая трагедия. Коротко же говоря, этот отрывок не следует принимать во внимание: трагическую сцену создало воспаленное воображение летописца.

В общем, как считают английские летописцы, не скрывая своего удовлетворения, принц Уэльский преподал урок неверным защитникам Лиможа, но действовал наследник англий-

¹ «Очевидно, что французы опасались принца Уэльского, даже при том, что того несли на носилках». *Денифле Х.* Опушение церквей... во время Столетней войны

² Принц Эдуард, видимо, преднамеренно выбрал датой штурма годовщину своей победы в битве при Пуатье 19 сентября.

ского престола больше посредством грабежа и разорения, нежели убийств. По просьбе Джона Гонта победители даже пощадили жизнь епископа.

БОЛЬШОЙ ПОХОД

Не стоит утомлять читателей подробными описаниями многочисленных осад обеими сторонами крепостей в последующие восемь лет, когда французы медленно приближались к Бордо. Нет нужды и в обстоятельном рассказе о передвижениях различных английских армий по французской территории. Таких передвижений было не менее пяти. Первый переход совершил в 1369 году Джон Гонт, который высадился в Кале и совершил марши в Арфлер и обратно, не вступая в соприкосновение с противником. Второй переход осуществлялся в 1370 году под командованием бывшего простолюдина, сэра Роберта Ноулза. Он тоже высадился в Кале, совершил марш через Аррас в Труа и затем, минуя Париж, направился в Бретань. К сожалению, во время этого перехода он поссорился с представителями знати, которые увели свои войска в другом направлении. Дюгеклен воспользовался этим распылением сил для нападений на изолированные воинские колонны англичан и их уничтожения. Третья военная кампания получила название «великий поход Джона Гонта» и заслуживает более обстоятельного обсуждения, поскольку привлекла внимание всего цивилизованного мира того времени и действительно напоминает эпопею Христофора Колумба. Гонт располагал войском численностью 15 тысяч солдат, ему было поручено освободить Гасконь. К этому времени французы господствовали на море, и добраться до провинции морем не представлялось возможным. Поэтому Гонт высадился в Кале, заявив, что совершит марш через среднюю часть Франции в Бордо. По карте это был маршрут протяженностью почти 600 миль по территории враждебной страны. Французы повсюду уклонялись от боя с ним, и самым опасным врагом английского военачальника стал голод. С приближением зимы англичане вышли на возвышенности Центральной Франции. Обстановка все больше ухудшалась, но Гонт противостоял трудностям с железной решимостью своего отца Эдуарда III. Он продолжал двигаться через горы и наконец спустился в долину реки Дордонь. К Рождеству, почти через пять месяцев после выступления в поход, Гонт прибыл в Бордо, преодолев около тысячи миль. При нем осталось чуть больше половины армии, остальная часть погибла в пути.

Итоги похода считаются английскими и другими историками катастрофичными, но французы оценивают их по-другому. В «Великих хрониках» отмечается, что это было «наиболее почетное предприятие для англичан».

На самом деле поход принес важные результаты. Он обеспечил Бретани передышку, поскольку из этого герцогства на защиту Франции были срочно отозваны не только Дюгеклен, но и герцог Анжуйский. В результате похода в Аквитанию прибыло значительное подкрепление. Поднялся престиж английских войск, была продемонстрирована их мощь, противник понес потери, был подавлен его моральный дух, а его наступление на Аквитанию остановлено.

Четвертую экспедицию возглавил в 1375 году Эдмунд, граф Кембриджский, который высадил свои войска на побережье Западной Бретани и пересек герцогство из конца в конец.

Последний из этих походов совершил граф Букингемский, который повторил фактически переход Ноулза в Майен, но продолжил его в соответствии со своим планом вплоть до Рена – столицы Бретани.

Между тем французы последовательно придерживались кампании осад крепостей в Гаскони. Они дали ряд сражений на море, где адмирал Вьенский добился значительных успехов. Дюгеклен проявил себя как самый выдающийся и успешный французский военачальник. В конце концов Карл V сделал его коннетаблем Франции. Он первым из простолюдинов добился столь высокой чести. Дюгеклен заслужил ее.

1377 год стал решающим. Французы усилили наступление и перенесли боевые действия на расстояние 20 миль от Бордо. Но далее они не продвинулись. В тот же самый год умерли Эдуард III и Черный принц, через три года за ними последовали Карл V и коннетабль Дюгеклен.

После 1380 года не осталось территории, где бы происходили серьезные сражения. После серии коротких перемирий в 1396 году было подписано заключительное перемирие, предусматривающее статус-кво и оставляющее нерешенным и недискутируемым важный вопрос о вассальных территориях.

* * *

Как отнестись к этой необычной 27-летней войне, в ходе которой не велось реальных сражений и осуществлялись лишь осады крепостей, но четверть французских земель сменили владельцев? Казалось, сама природа способствовала естественным путем процессу перехода земель из рук в руки по обоюдному согласию. На ранних стадиях и на внешних границах вновь приобретенных английских территорий все складывалось примерно так, поскольку давние владения Генриха II уже давно находились в руках французов. Но даже тогда, когда война приблизилась к Бордо, в котором французы не были более 200 лет, военное противостояние оказалось весьма незначительным. Наиболее основательное объяснение этому дал профессор Перро, который отмечает, что французы добились успехов «более дипломатией, чем силой оружия». Что касается военной стороны дела, мы можем процитировать с удовлетворением слова проницательного историка профессора Т.Ф. Таута из его «Политической истории Англии» (1906): «Когда французы и их испанские союзники завоевали господство на море, все надежды на возвращение Аквитании были утеряны».

В свете столь незначительного ведения боевых действий трудно оценивать достоинства военного руководства каждой из сторон. Можно восхищаться энтузиазмом – подлинной доблестью, – проявленным Ланкастером, Ноулзом и Букингемом во время их трех больших походов, какова бы ни была их стратегическая ценность. Французы приобрели, конечно, ряд городов и замков. И здесь следует сказать несколько слов о коннетабле Франции, Бертроне Дюгеклене. Этот бретонец весьма низкого происхождения не поднялся бы до столь сияющей высоты, если бы не обладал выдающимися способностями, и все же список его военных достижений едва ли оправдывает такой взлет. В двух действительно серьезных сражениях он потерпел поражение и был захвачен в плен, а о его полководческом таланте на поле боя мы знаем слишком мало. Вероятно, поэтому позднейшие французские военные историки характеризовали Дюгеклена как заурядного военачальника, неспособного выиграть битву или провести сколь угодно успешный штурм крепости. Однако эта оценка слишком категорична. Способ, которым Дюгеклен уничтожил отдельную военную колонну армии Ноулза, говорит о его незаурядных способностях к руководству войсками. И это был не единственный случай. Тем не менее правильным было бы сказать, что Дюгеклен родился в счастливое время. В отдаленной Аквитании маятник качнулся против Англии, поскольку ею было утрачено господство на море. И кто бы ни командовал в то время французскими войсками, ему сопутствовал бы успех, одерживал бы он победы в сражениях, демонстрировал бы свой военный гений или нет. Таким образом, стратегия Дюгеклена, навязывал ли ее ему его хозяин или нет, вела к конечному успеху – как принесла бы успех и противоположная наступательная стратегия.

Как бы то ни было, Англия не считала себя побежденной. Ведь в течение 10 лет французы явно избегали риска прямого столкновения с англичанами. В последние два года Англия остановила наступление французов в Гаскони и сама перешла в наступление. Одна из английских армий совершила рейд по французской территории с целью оказать помощь Бретани, другая армия прошла победоносным маршем в Испанию, чтобы помочь другому союзнику. Если Англия уступила в борьбе за свои зарубежные владения на юге Франции, то она решительно и бесповоротно отвергла любые предложения восстановить вассальную зависимость Бретани от Франции или вернуть Кале. Ее упорство в этом отношении предотвратило заключение посто-

янного мира. Перемирие 1396 года признавало статус-кво, потребовалась новая война, чтобы решить вопрос окончательно.

Приложение

ВОЙСКА

До правления Эдуарда III английская армия, подобно французской, комплектовалась на базе феодального ополчения. К нему добавлялась национальная милиция, или «ферд». Однако Эдуард радикально реформировал систему комплектования армии. Он заменил ее набором солдат по оплачиваемому контракту в армию, предназначенную для участия в зарубежных военных предприятиях. Для набора определенного количества рекрутов, причем в установленной пропорции тяжеловооруженных всадников и лучников, назначались определенные лица, обычно из числа знати. Им выплачивалось по определенной норме жалованье в течение установленного срока. Этот срок редко превышал год. По его окончании контрактник (выражаясь современным языком) мог либо возобновить контракт, либо уволиться со службы. В результате Англия приобрела оплачиваемую, профессиональную, краткосрочную армию для заморских операций.

Вместе с тем Франция до конца Столетней войны оставалась в тисках феодальной системы набора. Внутреннее состояние ее армии, в отличие от английской, отличалось примитивизмом и почти полной анархией. Таким образом, это было все еще феодальное войско независимых друг от друга сеньоров, над вассалами которых коннетабль не имел никакой власти. Рыцари и тяжеловооруженные всадники не просто считали себя костяком армии: они и были армией на самом деле, хотя в целях увеличения ее численности в войско привлекались новобранцы из местных общин, а также иностранные наемники с арбалетами, главным образом из Италии. Не существовало даже намека на взаимодействие кавалерии с презируемой ею пехотой. Битва при Креси продемонстрировала это со всей очевидностью, однако Франция все еще не извлекла урока из такого положения, в отличие от ее соперника, который сделал это много лет назад. Итак, несмотря на многочисленное население, превышающее английское в три-четыре раза, Франция к этому времени не сумела создать полевую армию, способную противостоять войскам Эдуарда III.

В области вооружения обе армии мало чем отличались друг от друга. Тяжеловооруженные всадники имели копья (или пики), мечи, кинжалы, в отдельных случаях булавы. Легкие кольчуги вытеснялись тяжелыми латами, а к концу войны рыцари были закованы в броню с ног до головы. Щит постепенно выходил из употребления, частью из-за большей надежности тяжелых доспехов, частью из-за его неспособности защитить от артиллерийских ядер. Каждого тяжеловооруженного воина сопровождали два лучника, один-два пажа или оруженосца, вооруженные кинжалами, часто меченосец. Вся эта группа из четырех или шести человек составляла «ланс». Здесь есть свои трудности. Состав «ланса» постоянно изменялся в английской армии, а во французской устоялся лишь к концу войны, когда была установлена его численность в шесть человек (включая слугу и пажа). Кроме того, когда в источниках приведена численность «лансов» и лучников, абсолютно неясно, включены ли лучники, входящие в «лансы», в общую численность лучников, набранных по контракту. Я подозреваю, что лучники рыцарей не включаются в общую численность лучников, зато это делается, когда речь идет об обычных тяжеловооруженных всадниках. Однако во французской армии вплоть до конца войны при упоминании «лансов» следует увеличить численность лучников в четыре или шесть раз в зависимости от того, считаем ли мы пажей участниками боевых действий или нет. Фердинанд Ло не включает их в эту категорию, но они могут в нее войти, как, например, солдаты, обслуживающие современные пушки, которые, несомненно, участвуют в боевых действиях.

Английский лучник к этому времени, как правило, ездил верхом. На коне или в пешем строю при нем были большой лук, меч и кинжал. Лучник был способен производить шесть выстрелов в минуту, наивысшая эффективность стрельбы достигалась на дистанции 250 ярдов, ее поражающая сила сохранялась на дистанции 350 ярдов. Со своей стороны, французский лучник располагал арбалетом. Хотя арбалет превосходил большой лук по поражающей силе, он в четыре раза уступал ему в скорострельности и стрелял на меньшее расстояние. Обычно арбалетчиками были генуэзские наемники.

Что касается другого рода войск – артиллерии, – имеется мало сведений об ее использовании какой-либо из сторон на поле боя, но во время осад крепостей значение пушек возрастало, а в последние годы Столетней войны, как мы увидим далее, они играли ведущую роль в принуждении защитников городов и замков к капитуляции.

Помимо лучников пехота включала определенное число копьеносцев (до их упразднения Генрихом V) из числа иностранных наемников – фламандцев, немцев, гасконцев и т. д. Генрих V не жаловал наемников. В качестве экипировки лучники носили стальные шлемы, нагрудники с металлическими пластинами или плотной ткани, копьеносцы имели такую же защитную экипировку, за исключением того, что они редко носили нагрудники с металлическими пластинами.

ПРОГРЕСС ВОЕННОГО ДЕЛА В ХОДЕ ВОЙНЫ

Несмотря на значительную продолжительность Столетней войны, прогресс в оружии, вооружениях и методах ведения боевых действий был на удивление незначительным. Он отмечен лишь в двух отношениях. Во-первых, в развитии мощи и эффективности артиллерии, что уже упоминалось и о чем будет речь впереди. Во-вторых, в употреблении тяжелых доспехов. Все это менялось постепенно, и имеется мало прямых указаний на темпы развития. Наши знания ограничиваются большей частью свидетельствами о духовых инструментах, портретах и окнах с витражным стеклом. Но прогресс имелся, и в конце войны рыцари целиком были закованы в латы. Влияние войны на тактику также осуществлялось постепенно. Оно носило двойственный характер: снижалась мобильность пеших тяжеловооруженных воинов, а также эффективность стрельбы из лука. В отношении степени мобильности и проворства закованных в латы рыцарей нет единого мнения. Несомненно, металлические доспехи были многообразны, в противоборствовавших армиях не было единообразия доспехов. Но в целом существовала тенденция переложить на лошадь львиную долю работы по транспортировке рыцаря. Легче определить эффективность тяжелых доспехов. Они явно снижали убойную силу стрелы большого лука. К концу войны появляется меньше свидетельств о потерях от оружия подобного рода и больше примеров, когда тяжеловооруженные всадники прорываются сквозь ряды лучников. Тем не менее перемены здесь происходят медленно и не очень заметно.

ФЛОТ

В период, который рассматривается в этой книге, произошло всего два крупных морских сражения. Имеется мало сведений о состоянии флотов двух стран, хотя начинает давать о себе знать эффективность корабельной артиллерии. Обе стороны владели небольшим числом боевых кораблей, содержавшихся за счет королевской казны. Основа флота формировалась по случаю, посредством простых заявок на определенное количество кораблей от каждого порта. В случае с «пятью портами» в юго-восточной Англии существовал ордер на предоставление постоянного количества кораблей для каждого порта. Французы помимо этого располагали некоторым количеством боевых галер, которые базировались на побережье Средиземного моря, но в ходе войны подтягивались к Ла-Маншу.

Глава 2

ПЕРЕМИРИЕ 1396-1415 ГОДОВ

Через три года после подписания перемирия 1396 года Генрих IV одолел в борьбе за трон своего кузена Ричарда II. Смена монархов почти не отразилась на отношениях между Англией и Францией или на соблюдении перемирия. Францию раздирали внутренние конфликты, а нового английского короля вначале слишком заботило укрепление своих позиций внутри страны, чтобы он думал о возобновлении войны.

Политическая обстановка осложнялась под воздействием двух партий, как в Англии, так и во Франции, которые по очереди брали верх в своих странах и по очереди брали на себя обязательства друг перед другом, не выполняя их. Недоверие между двумя странами росло, и, когда в 1413 году Генрих IV умер и ему наследовал старший сын Генрих V, семена открытой войны между Францией и Англией уже были посеяны. Англия все еще придерживалась условий договора в Бретиньи и не допускала его разрыва. Однако существовал соблазн воспользоваться внутренней нестабильностью Франции в целях компенсации потерь минувшего периода войны. Англичане возмущались двуличием французов, в стране усиливалась военная лихорадка.

Молодой король отнюдь не способствовал спаду воинственных настроений. Будучи 25 лет от роду, он родился и воспитывался в военном лагере, вероятно, с 12 лет.

Настроения короля и страны так удачно охарактеризовал обстоятельный и глубокий историк К.Л. Кингсфорд, что мне не остается ничего другого, как процитировать его: «Идея войны с Францией отнюдь не вызвала у англичан апатии. Такие настроения питали традиционные коммерческие связи Англии с Фландрией и Гасконью. Долгий спор между двумя странами разрешен не был, и последние действия французских властей служили основательной причиной для недовольства англичан. Для самого Генриха, непоколебимо отстаивающего свои права, претензии на французский трон выглядели почти обязанностью. Возможно, он руководствовался и другими мотивами, мечтал о том, что, объединив Западную Европу под своим руководством, восстановит единство церкви и станет лидером христиан в новом крестовом походе» («Генрих V»).

Хотя невозможно со всей определенностью указать момент, когда король перешел Рубикон и твердо решил начать войну, должно быть, это случилось ранней весной 1415 года. 22 марта Генрих V выступил с воззванием, предписывающим всем солдатам, которые были обязаны служить королю либо в силу обязательств вассалов, либо за плату, собраться в Лондоне. Тот же самый призыв был произнесен более четко и официально на большом Военном совете 16 апреля. Король заявил также, что на время отсутствия назначает регентом Англии своего второго брата герцога Бедфорда. За этим последовало объявление условий контрактов на военную службу в период заморской кампании, всеобщая мобилизация призывников графств, что позднее будет называться «милицейским сбором». Рекруты в пяти северных графствах оставались охранять северную границу от возможного вторжения из Шотландии (хотя шотландский король Яков I содержался в заточении в Англии, такая возможность не исключалась). Остальные рекруты рассредоточивались по стране для предупреждения возможной угрозы со стороны Уэльса, где Оуэн Глендоуэр все еще проявлял враждебность, или отражения десантов на побережье.

Что касается ударных сил, то их комплектование, структура, организация и управление оставались теми же, что и во время правления прадеда короля.

Единственные два отличия от прежних войн, которые следует отметить, состояли в том, что легкие доспехи в основном уступили место тяжелым и что артиллерия выросла в весе и

мощи. Генрих собрал большое количество пушек – некоторые из них больших калибров, а также пушечных ядер.

Король предусмотрительно и с далеким прицелом принял меры по тыловому обеспечению. Подробности этого приводятся, главным образом, в сборнике Рюмера «Федера». Несомненно, использовался опыт войн короля Эдуарда. Во всяком случае, ничего не было упущено ни в отношении личного состава, ни в отношении снаряжения. Например, мы впервые узнаем о прикомандировании к войскам хирургов, 20 из них были приняты на армейскую службу. Кроме того, в армии служили шахтеры, каменщики, вязальщики веревок, токари, столяры (не менее 1200 человек), кузнецы, полковые священники, мясники, пекари, кучера, маляры, кожевники, рыбаки, даже менестрели и скрипачи. Помимо изобильного числа лошадей и рабочих быков на корабли были погружены большие стада крупного рогатого скота. Конечно же были взяты в поход телеги, фургоны и другие средства передвижения, полевые кухни и пекарни, мельницы, лопаты, кирки и пилы. И что важно, имелся солидный набор разного рода запасных частей.

Для перевозки столь большого количества участников похода и снаряжения потребовалось не менее 1500 судов, каждое из которых имело грузоподъемность 20 тонн. Собрать столько судов было весьма непросто. Частью они были построены в Англии, частью закуплены во Фландрии и Нидерландах. Однако подавляющее большинство кораблей поступили по заявкам из прибрежных портов Британии.

Было велено, чтобы все силы, армия и флот, сосредоточились 1 июля 1415 года в зоне Саутгемптон – Портсмут.

Пока силы концентрировались, французы прислали делегацию, чтобы в последний раз попытаться предотвратить войну. Генрих принял ее в Винчестере во дворце Вулвеси. Прием происходил вполне по-современному. Он начался с тостов и дружелюбных речей, но завершился через несколько дней сценами гнева и замешательства.

2 июля 1415 года король прибыл в зону сосредоточения войск и активно занялся решением сложных проблем сбора, руководства и снабжения великой армады. Все реки, текущие в море, и лагуны на побережье, обращенные к острову Уайт, были забиты кораблями, которые непрерывно заполняли солдаты и сопровождавшие армию гражданские лица. Эту сцену, возможно, представят лучше других те, кто через 530 лет наблюдал концентрацию в этом районе войск, отбывающих в том же направлении. Задача, стоявшая перед Генрихом V и его военачальниками, была, естественно, менее сложной, но зато более трудоемкой, если представить себе примитивный характер транспорта и средств связи, особенно между морем и сушей.

Численность армии вторжения удостоверяется списком Азенкура, который было бы правильнее назвать списком Арфлера. Согласно этому списку, в море отправились на кораблях две тысячи тяжеловооруженных воинов, восемь тысяч лучников и 65 артиллеристов. Но в отношении численности вспомогательных и невоенных сил можно только строить догадки. Нельзя произвести даже их приблизительный подсчет, исходя из численности транспортных судов, поскольку грузоподъемность последних различалась от 20 до 300 тонн. Но, сравнивая число кораблей, потребовавшихся для транспортировки войск в период предстоящей кампании и в период битвы при Креси, можно представить, насколько велико и всеобъемлюще стало тыловое обеспечение на этот раз. Вот приблизительные цифры.

Кампания	Войска	Корабли
Креси	15 000	700
Азенкур	10 000	1500

16 августа все было готово для отправления армии в путь. Король перебрался на лодке из замка Портчестер, где в бухте Портсмут находилась его резиденция, на флагманский корабль «Тринити – Ройэл», стоявший на якоре у Спитхеда. Корабль считался гордостью флота страны, он один имел грузоподъемность 500 тонн и экипаж в 300 матросов. Прибыв на борт корабля, король приказал приспустить паруса, подавая сигнал флоту следовать за флагманом.

Для осуществления этой сравнительно простой операции потребовалось четыре дня. Когда армада собралась, корабли столь тесно прижимались друг к другу, что возникший на одном корабле пожар перекинулся на два соседних. Это было воспринято как плохое предзнаменование, но последовавшая за отчалившим флотом стая лебедей означала, возможно, что Небо смилостивилось над участниками.

Летнее солнце играло в парусах, флагах и стягах армады. Картина была такая, что подняла бы из могилы Фруассара, чтобы описать ее.

В воскресенье 11 августа 1415 года в 3 часа дня, по сигналу короля флот, ведомый дядей монарха графом Дорсетом, на верхушке мачты корабля которого горели два фонаря, медленно вошел в Ла-Манш, миновал остров Уайт и вышел в открытое море, держа курс на юг.

Глава 3

ВТОРЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИЮ

Французские власти давно знали о подготовке интервенции. Но Генрих позаботился о том, чтобы сохранить в тайне конечную цель похода. Мне удалось найти единственное заявление короля, гласившее, что этой целью могла быть Аквитания или «король Франции». Формулировка выглядит довольно туманно. Но французские власти не обманывались насчет района высадки войск Генриха. Они помнили, что Эдуард III уже делал Аквитанию целью своего вторжения. Однако его войны показали, что подобные операции весьма опасны. Нет, по всем признакам местом высадки должно было стать северное побережье Франции. Им могла быть Бретань. Брест и Сен-Мало в прошлом заслужили известность излюбленных районов высадки английских войск. Либо король Англии по примеру своего предка мог высадиться близ Шербурга. Арфлер, расположенный в устье Сены, предчувствовал угрозу и спешно укреплял свою оборону. Некоторые считали наиболее вероятным местом высадки Фландрию. Французские же власти полагали, что подлинной целью вторжения станет Булонь³.

Однако оборонительные меры французов носили исключительно половинчатый характер. Из двух соперничавших политических партий сторонники Орлеанской ветви пребывали в состоянии летаргии, сторонники же Бургундской ветви под тем или иным предлогом не отвечали на призывы о помощи. Дофин Луи, болезненный молодой человек 19 лет, был назначен главнокомандующим французскими вооруженными силами и коннетаблем Франции, его помощником стал Шарль д'Альбре. Помощник начал собирать армию близ Руана. На южной стороне устья Сены, напротив Арфлера, были сосредоточены силы в 1500 человек под командованием Альбре и маршала Бусико. В целом же французы оставались безразличными, их больше беспокоили высокие налоги, чем угроза нашествия.

Таким образом, обстановка для вторжения была благоприятной, когда английская армада скрылась из вида к югу от Бембриджа на острове Уайт. Какова же была конечная цель короля Англии? Исследование его заявлений и посланий показывает, что монарха больше интересовало возвращение Нормандии, чем захват Аквитании. Из двух наследственных вотчин Нормандия была более древней. Более столетия она находилась под англо-норманнским контролем, однако по ряду причин ее возвращение не было учтено в договоре в Бретиньи. Генрих решил исправить этот просчет и сделал провинцию первоочередной целью вторжения.

Но относительно конечных целей и планов их достижения с уст короля не слетело ни одного слова, не более он написал и своей рукой. Мы вступаем на почву предположений и догадок, но более глубокое постижение намерений короля дает метод, который я называю «неизбежными военными версиями». Вполне вероятно, что молодой король тщательно изучал успешные кампании своего прадеда и его военачальников – особенно Генри Ланкастера, графа Дерби. Он мог советоваться с некоторыми из них, в частности с дядей Джоном Гонтом. (Карл VI мог воспользоваться советами герцога Беррийского, который участвовал в сражении при Пуатье.) «Почтенный Гонт» умер, когда Генриху исполнилось 12 лет, мальчик, должно быть, с жадностью внимал рассказам и воспоминаниям дяди. Кроме того, Генрих V усваивал уроки прежних войн. Четыре из этих уроков имеют первостепенное значение. Во-первых, успешная война в далекой Аквитании была сопряжена с большими трудностями. Французы располагали тем, что мы называем тыловыми коммуникациями, они могли сосредоточить большие силы на своих границах гораздо раньше и быстрее, чем Англия смогла бы дать подкрепление. Во-

³ Здесь неизбежна параллель с 1944 годом, когда немцы считали район Булони, а не Нормандию местом высадки союзников.

вторых, широкомасштабные операции на чужой территории были обречены на провал в условиях отсутствия надежных коммуникаций. В-третьих, Франция была так насыщена замками и укрепленными городами, что силы вторжения без обеспечения осадным парком были не способны удерживать враждебную территорию и сломить волю противника к сопротивлению. Это доказала – хотя и не полностью – последняя успешная военная кампания Эдуарда. В-четвертых, было очевидно преимущество обладания прочной базой на французской территории. Бордо представлял одну из них на юге, Кале – на севере.

Логика этих уроков, наряду собственно со стремлением короля вернуть древнее герцогство, приводили к заключению о том, что Нормандия должна была стать первостепенной задачей, что на территории герцогства следовало создать надежную базу, что там надо построить порт, подобный Кале, и что в нем нужно сосредоточивать средство для осады.

Где следовало поместить эту базу? Устье Сены указывало на это. Из двух крепостей, стороживших вход в реку, Арфлер на северном берегу всегда рассматривался как «ключ к Нормандии» и, значит, должен был стать первоочередной целью. Подобные соображения, видимо, вынудили Генриха V, как только армада вышла в море, приказать взять курс на устье Сены. За этим последовало оповещение капитанов судов о том, что в качестве первого шага он намерен овладеть Арфлером.

* * *

14 августа 1415 года после благополучного 50-часового перехода корабли бросили якоря в 5.00 после полудня в устье Сены, напротив длинной пустынной отмели примерно в трех милях к западу от Арфлера, где сейчас располагается Гавр. Хотя противник в пределах видимости не наблюдался, до утра никому не было позволено сходить на берег. На следующий день перед рассветом на берег высадился разведывательный отряд под командованием графа Хантингтона и сэра Гилберта Амфревилла, которые вскоре доложили, что берег пуст. Тогда король велел военачальнику организованно произвести полную высадку и сошел на берег в числе первых. Первым делом он припал на колени и произнес молитву, обещая не делать ничего неугодного Богу и утверждению справедливости.

Арфлер был древним городом и единственным портом на северной стороне устья реки. Город защищали крепостная стена и ров чуть меньше двух миль в периметре, заполненный водой. Обороне города помогали природные условия. Он располагался на берегу речки Лезард, близ ее впадения в Сену. Южную сторону прикрывало русло этой реки. С востока к нему примыкали соляные озера, через которые проходила единственная дорога, на север уходила долина реки Лезард. Реку перекрыли плотиной, ширина поверхности водохранилища составляла 100 ярдов. Все мосты на несколько миль к северу от города были разрушены. На северо-запад и запад уровень земли постепенно повышался, вершину возвышенности покрывали деревья и фруктовые сады. Река Лезард пересекала город с северо-запада на юг, а порт располагался в центре города. У входа в город реку перегораживали цепи. Главным зданием в городе была церковь Св. Мартина (которая стоит до сих пор). В крепостной стене имелось трое ворот – с северо-востока, юго-востока и юго-запада. С вершущек ворот недавно скинули временные навесные башни, сооруженные из деревянных стен, промежутки между которыми заполняла земля. Все ворота окружала вода⁴. На контрэскарпе рва выстроили низкий земляной вал. Кроме того, на побережье были вырыты траншеи для отражения десантов, но гарнизон был слишком малочислен, чтобы заполнить эти траншеи. На крепостной стене были установлены несколько пушек, в ряде мест хранились запасы негашеной извести и смолы, чтобы поражать осаждавших. Неудивительно, что Арфлер считался неприступным.

⁴ Остатки восточных ворот сохранились до сих пор.

ОСАДА АРФЛЕРА

Потребовалось три дня, чтобы выгрузить людей, пушки, запасы продовольствия и снаряжения. Вокруг холма к северо-востоку от города, на расстоянии мили от него, разбили большой военный лагерь. Пока происходила выгрузка – совершенно беспрепятственно, – в город через юго-восточные ворота прибыло подкрепление из 300 тяжеловооруженных воинов под командованием крупного феодала де Гокура.

Первой задачей английской армии была, очевидно, блокада города с восточной стороны. Но для этого следовало совершить обходной маневр на север, поскольку долина реки была французами затоплена. 17 августа король отрядил для обходного маневра и блокады города с востока колонну воинов под командованием своего старшего брата и ближайшего помощника герцога Кларенса. Операция прошла успешно, Кларенсу посчастливилось встретить обоз, везущий в город пушки, оружие и амуницию. Все это было захвачено англичанами, несмотря на то что из города выслали отряд с целью вызволить обоз. В результате жаркого боя французский отряд отбросили к городу. Таким образом, англичанам досталась первая добыча в период, ведущий к битве при Азенкуре.

Наконец, Арфлер полностью окружили, и городу едва ли в скором времени пришли на помощь. Коннетабль д'Альбре не мог форсировать устье реки, поскольку у устья стоял английский флот.

Теперь Генриху V следовало подумать, каким образом можно было захватить город. Для взятия его измором требовалось время, а времени было в обрез. Другой способ состоял в прямом штурме и методичных попытках разрушить крепостные стены. Это, в свою очередь, можно было осуществить двумя путями: за счет подрыва стен или посредством массированного артиллерийского огня (старый метод использования таранов был неприменим из-за широкого рва, окружавшего город).

Сначала король решил использовать саперов. Но рытье шурфов оказалось медленным и трудоемким. К тому же английские саперы за время перемирия снизили эффективность работы, а у французов имелись собственные саперы, которые были пущены в дело. Они произвели встречные работы по минированию и свели к нулю усилия англичан взорвать крепостные стены.

В конце концов король сделал ставку на артиллерию. Точными данными о количестве и весе пушек мы не располагаем⁵. В письме, отправленном одним священником в Париж, приводится цифра – 12 тяжелых орудий, однако это может быть преувеличением. По крайней мере три орудия были особой мощи, поскольку приобрели в войсках почетные названия «Лондон», «Гонец» и «Дочь короля». Они начали методичный обстрел города, сосредоточивая огонь главным образом на стенах, башнях, расположенных по краям ворот, и навесных башнях. Огонь велся также по самому городу, и пушка «Лондон» старалась попасть в башню церкви Св. Мартина. (Церковные башни во все века были излюбленными мишенями артиллеристов.) Когда англичане вступили в город, они обнаружили большие разрушения церковной колокольни. Согласно одному свидетельству, бомбардировка продолжалась день и ночь. Если это верно, то мы имеем дело с одним из наиболее ранних примеров ночного обстрела города из орудий, и было бы интересно узнать подробности того, как осуществлялась подсветка и как заряжались пушки. К тому же английские артиллеристы, как мы увидим, применили еще одну новинку.

Гарнизон города мужественно встретил бомбардировку. Ночью разрушения в стенах и башне, которых насчитывалось не менее 26, были заделаны (из чего очевидно, что ночной огонь артиллеристов не отличался эффективностью.) Между тем стояла очень жаркая

⁵ Артиллерия включала несколько так называемых «машин войны», таких, как баллисты.

погода. Одетые в тяжелые доспехи рыцари испытывали бы большие неудобства. К счастью для них, пока стороны вели артиллерийскую перестрелку, потребность в доспехах была небольшой. Другим родам войск ничего не оставалось, кроме как насыщать утробу. Вокруг было изобилие недозревших фруктов. Солдаты потребляли их без меры, как поступал во все века Томми Аткинс. Естественным следствием этого были широко распространенные расстройства желудка, усугубленные нездоровой ночной атмосферой в районе соляных озер, отсутствием санитарии и, возможно, движения. Вскоре распространилась дизентерия, одной из первых жертв которой стал епископ Кортенейский из Норвича, близкий друг короля. Заболели дизентерией графы Суффолк и Марч, но они выжили. Возможно, причиной эпидемии стала пища, подпорченная морской водой. Французы тоже томились недугом, но другого свойства. Минимум один гонец пробрался ночью из города с просьбой к дофину о помощи. Однако после попыток убедить его атаковать Арфлер дофин дал поразительный ответ. Он заявил, что город уже взят англичанами.

Король Генрих не знал отдыха. Он вникал в мельчайшие детали, неумоимо выполнял военные обязанности, все проверял, лично занимался днем разведкой и ночными обходами. (Вспоминается ночная сцена из исторической хроники Шекспира.) После двух недель осады король написал важное письмо, адресованное в Бордо. Он просил прислать пушки и вино, сохраняя в то же время уверенный, даже триумфальный тон в оценке осады. Король считал, что осада продлится еще восемь дней, после этого он двинется на Париж, а затем повернет в Бордо. Как раз после отправки этого письма дизентерия приобрела серьезный оборот, но она не отразилась на ходе осады.

Огонь английской артиллерии концентрировался главным образом – и не без оснований – на юго-западных воротах и навесной башне (прозванной осаждающими «бастионом».) Бастион имел форму окружности диаметром 50 ярдов, а перед ним располагался ров. К этому месту вели подкоп саперы; король, видимо, рассматривал его как решающий узел обороны города. 16 сентября, через 13 дней после отправки королем письма в Бордо, бастион был разрушен, а ворота за ним вконец искорежены. Фланкирующий ров частично засыпали хворостом в целях предстоящего штурма.

16 сентября, в день смерти епископа Кортенейского, французы совершили в полдень отчаянную вылазку от юго-западных ворот. Захватив осаждающих врасплох, они сумели пробиться к английским траншеям и поджечь деревянный забор. Однако англичане быстро приняли контрмеры, отбросили французов и потушили пламя. На следующий день французы повторили вылазку, но англичане на этот раз были начеку и сорвали замыслы противника. Затем молодой граф Хантингтон, который командовал местным сектором осады, сам перешел в наступление. Он атаковал бастион, предварительно подвергнув его массивной бомбардировке. Кроме того, он использовал новый снаряд, вероятно изобретение главного оружейника короля, «Мастер Джайлз». Он походил на современный зажигательный снаряд. К каменным пушечным ядрам были приделаны заряды с воспламеняющимся веществом, которые после зажигания этого вещества выстреливались из пушек в направлении деревянных сооружений бастиона. В условиях сухой жаркой погоды дерево быстро воспламенилось. Затем в атаку пошли тяжеловооруженные воины. Они преодолели посуху ров, засыпанный хворостом, и разрушенный забор. Защитники бастиона не смогли оказать серьезного сопротивления, англичане победоносно ворвались в пылающий бастион. Французы через ров отступили за крепостную стену и закрыли ворота в город, прежде чем в него могли войти англичане.

Теперь, когда бастионом овладели англичане, победители принялись за тушение пожаров. Пожары были между тем столь мощные, что их удалось ликвидировать только через два дня, остатки деревянных сооружений тлели еще несколько дней.

Успех был впечатляющим. Он воодушевил атакующих и привел в уныние защитников города. Положение этих храбрецов резко ухудшилось и стало безнадежным. Никакой помощи

извне не предвиделось, среди защитников города свирепствовали болезни, продовольствие и снаряжение истощались. Их отчаянные усилия не могли заставить англичан отступить, последние силы таяли.

Король Генрих знал об этом. Он решил прекратить агонию, взяв крепость штурмом, и принудить гарнизон к немедленной капитуляции.

После нескольких невнятных и безуспешных попыток Гокура договориться Генрих приказал начать следующим утром всеобщий штурм. Всю ночь должна была продолжаться бомбардировка города, так чтобы не дать его защитникам передышки, командирам штурмовых отрядов дали соответствующие инструкции. Французов оставили в тревожном ожидании их судьбы на следующий день.

Однако угроза подействовала. Ночью городские парламентарии выбрались из города с относительно безопасной – восточной – стороны и предложили герцогу Кларенсу передать королю их запрос об условиях капитуляции. В течение той же ночи состоялся обмен посланиями, в результате которого город обещал сдаться, если до следующего воскресенья, 22 сентября, то есть через три дня, не придет помощь для его освобождения.

Решающие переговоры провел епископ Бангорский, который постарался успокоить гарнизон города. «Не бойтесь! Король Англии прибыл не затем, чтобы разорять ваши земли. Мы добрые христиане, а Арфлер – не Суасон». Это было не пустое заверение.

Воины противоборствующих сторон расположились на своих позициях, молча глядя друг на друга. Все боевые действия были приостановлены. Однако помощи осажденному гарнизону не поступило, хотя дофину доложили о судьбе города. Когда срок ожидания истек, король послал к воротам города 500 воинов с требованием сдачи.

Капеллан короля Томас Элмхем так описывает сцену, которая за этим последовала: «Наш король, надев золотое королевское облачение, взошел на монарший трон, помещенный в павильоне на вершине холма. Здесь в своих лучших одеждах собрались самые знатные и главные лица из королевского окружения. Сэр Гилберт Амфревилл держал в правой руке на алебарде венценосный, победоносный шлем короля. Сеньор де Гокур предстал перед королем, выйдя из палатки (где ждал приема), в сопровождении лиц, присягнувших ему служить. Они передали королю ключи от города, отдавшись под его покровительство».

Капеллан предусмотрительно забывает сказать, что несчастный Гокур и 76 его помощников были вынуждены предстать перед королем с веревками на шеях. Кроме того, перед соизволением принять пленников король заставил их ждать продолжительное время в палатке. Вся эта церемония, без сомнения, была скопирована с представления, устроенного прадедом короля после сдачи Кале, когда перед ним предстали 12 горожан с веревками на шеях. В обоих случаях это был тщательно инсценированный спектакль, призванный подчеркнуть могущество короля Англии и его королевское величие.

Впоследствии король устроил для пленников роскошный ужин и пообещал обойтись с ними милостиво и справедливо, о чем подробно и широко оповестил.

К тому же манера его обращения с побежденными копировала Эдуарда III. Это означало, что рыцари, за которых можно было получить выкуп, отправлялись в Англию или отпускались под честное слово для сбора необходимого выкупа. Тем из горожан, которые были готовы признать власть английского короля, позволялось остаться в городе вместе со своим имуществом. Кто воздерживался от подчинения королю Англии, через несколько дней был выведен из города с пожитками, которые в состоянии были унести, и передан французским властям в Лильбонне. По всей Англии распространялись объявления, приглашавшие торговцев и всех других желающих поселиться в Арфлере, который Генрих решил превратить, как и Кале, в английский город.

Глава 4

ПОХОД НА АЗЕНКУР

С овладением Арфлером первая часть грандиозного плана Генриха V была осуществлена. Возникал вопрос: добиваться ли ему выполнения второй части плана – брать Париж?

Против этого имелись веские основания. Захват Арфлера занял больше времени, чем предполагалось (хотя в тех обстоятельствах пять недель было адекватным сроком), а в наступивший сезон идти на Париж становилось нецелесообразным. Стало известно, что король Франции пытался собрать крупные силы войск в районе Париж – Руан, которые, хотя и не отличались боеспособностью (такowymi всегда являются наспех собранные войска), все же представляли угрозу числом. Хуже всего, однако, было то, что дизентерия произвела столь значительные опустошения в рядах английских войск, что осталось немногим больше 7500 относительно здоровых солдат, остальные либо умерли, либо были отправлены в Англию. Из этого числа 900 тяжеловооруженных воинов и 1200 лучников составили гарнизон Арфлера под командованием графа Дорсета. Таким образом, лишь 900 тяжеловооруженных воинов и 5000 лучников, то есть 6000 человек в целом, могли продолжать поход. Из этого следовало, что в случае намерения французской армии дать сражение сложилось бы крайне невыгодное для англичан соотношение в численности войск сторон. Стоило ли рисковать? Идти на Париж означало попытку нанести удар по противнику там, где он был особенно силен. Возможно, это имело смысл, если бы англичане располагали 12 тысячами солдат, но, поскольку у них оставалась лишь половина от этого числа, марш на Париж выглядел явно неразумным. Когда во Францию вторгся Эдуард III, он учитывал, что французские войска разбросаны по территории страны. Значительная часть из них находилась в Гаскони. Теперь складывалось другое положение, поэтому Генрих был вынужден с большой неохотой отказаться от похода на Париж. Перед королем открывались три возможности: он мог остаться с армией в районе Арфлера, у границ района Кале; мог двигаться на Кале, то есть совершить переход в духе стратегии своего прадеда; мог, оставив в Арфлере гарнизон, вернуть оставшиеся войска на зиму домой.

Для оценки ситуации король собрал военный совет. Первая возможность не вызвала поддержки его участников, но вокруг второй развернулись бурные дебаты. Как это бывает на военных советах, некоторые его члены сосредоточились на различных рисках, которыми чревата наступательная стратегия. Под воздействием их аргументов на совете сложилась атмосфера пораженчества, и в результате была выработана рекомендация, содержащая наименьший риск, – в данном случае возвращение войск в Англию.

Генрих V стойко возражал против рекомендации военного совета. Для этого требовалось немало мужества, несмотря на привилегированное положение короля. Он был еще молод и, возражая против мнения военного совета, шел на большой риск. Не исключались потеря всей армии, гибель или плен короля, как это случилось с французским королем 60 лет назад. Этот огромный риск осознавался историками разных эпох. Их точку зрения резюмирует следующая цитата: «Риск был неоправданным, это был поспешный, даже безумный план». Профессор Вюлли явно был захвачен потоком критики позиции короля и плыл по течению, расценив ее как «крайне неразумную, опрометчивую авантюру из всех, задуманных опрометчивым пиетистом». Лишь профессор Джэкоб осмелился оспорить приговор Вюлли и мягко заметил, что это, «возможно, преувеличение».

Риск был, видимо, гораздо меньшим, чем внешне представлялся, поскольку Франция оставалась дезориентированным, раздробленным государством. В ней еще тлели угли гражданской войны. Нападение на страну, должное произвести дисциплинирующий и объединяющий эффект, на самом деле оказало на страну весьма слабое влияние. Правда заключается

в том, что Франция не приобрела еще того чувства национального единства и патриотизма, которое развилось позже под воздействием Жанны д'Арк. Герцог Бургундский оставался буревестником, непредсказуемым фактором. Демонстрируя лояльность королю, он прибегал одновременно к различным уловкам, чтобы уклониться от службы монарху. Герцог не давал и своему сыну, Филиппу, графу Фландрии (который позднее станет герцогом Филиппом Добрым), оказать услуги королю. Страна находилась в состоянии смятения и беспорядка, приказы общенационального характера выполнялись вяло и далеко не всегда.

* * *

Зона сосредоточения французской армии располагалась вдоль Сены, между Мантом, Верноном и Руаном. Дофин прибыл в Вернон 3 сентября, а 10 сентября Карла VI в рамках соответствующей церемонии принял в зале собора в Сен-Дени королевский штандарт в виде красного шелкового стяга – символ борьбы с агрессией – и двинулся в Мант, где оставался некоторое время.

Между тем Бусико и д'Альбре выступили из Онфлера в Руан, где занялись формированием авангарда национальной армии. В начале октября он составил, как утверждают, 14 тысяч человек. Несомненно, это преувеличение, но численность авангарда, должно быть, намного превышала количество полевых войск, которое могла выделить Англия.

Предположим, Генрих знал обо всем этом, но не представлял подлинную эффективность армии противника в конкретный момент. Из опыта предыдущих двух войн, если не существовало других источников, он должен был неплохо знать об особенностях местности в зоне Арфлер – Париж – Кале. В данный момент его целью был Кале, марш до которого покрывал расстояние более 160 миль. Двигаясь налегке, то есть с обозом продовольствия и снаряжения, перевозимых на вьючных животных, он мог дойти до Кале за 8 – 9 дней. То же расстояние было между Кале и Верноном, но вновь сформированная французская армия, учитывая ее слабую маршевую дисциплину и обремененность телегами и фургонами, могла преодолеть это расстояние едва ли за 12 дней. Таким образом, даже если бы обе армии выступили одновременно, французская армия почти не имела шансов догнать, не говоря уже о том, чтобы перехватить английскую армию. Однако вряд ли обе армии выступили одновременно. До тех пор пока англичане не выступили бы в поход, командование французов в Верноне ничего бы не знало о происходящем и не могло бы знать об этом, пока англичане не прошли бы минимум 36 часов, потому что лазутчикам требовалось покрыть от Арфлера в Вернон расстояние 100 миль. Стало быть, французская армия могла выступить в поход через два дня после английской и, следовательно, риск того, что войска Генриха были бы перехвачены французской армией в случае их беспрепятственного марша на Кале, оставался минимальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.